

ISSN 0130 1640

www.znanie-sila.ru

ЗНАНИЕ-СИЛА®

«Knowledge itself is power» (F. Bacon)

1/2018

Мы за ценой
не постоим...

6+

«Самостоянье человека» — эти пушкинские слова на удивление точно подходят для характеристики личности Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского. Конечно, он был выдающимся ученым, имя которого тесно связано с крупнейшими открытиями генетики XX века. Но, пожалуй, не менее важной оказалась другая ипостась его деятельности — Николай Владимирович явился живым воплощением лучших традиций отечественной науки, ученым, для которого занятие наукой было служением в подлинном смысле этого слова.

Он был одарен необыкновенным талантом — талантом Просветителя. Для него наука была неотъемлемой частью культуры человечества, и это было главным, что он старался донести до своих слушателей. Можно сказать, что отечественной биологии повезло, что в 1950-х годах в нашу науку вернулся Тимофеев-Ресовский. К тому времени усилиями Лысенко и его поделльников была практически полностью разрушена классическая система биологического образования, взамен которой стала насаждаться так называемая мичуринская биология как единственно верная теория. В результате поколение за поколением студентов воспитывалось и обучалось в условиях почти тотального одичания. Появившись на этом «пепелище», Николай Владимирович смог сплотить вокруг себя кружок единомышленников, ученых самых разных специальностей, и как-то почти сами собой заработали семинары-коллоквиумы («трепы» — по определению Н. В.), где главным было не формальное обучение, а просвещение и приобщение слушателей к науке как к достойнейшему из занятий. Он не уставал повторять как аксиому, унаследованную от своих учителей, что «плохой человек не может быть хорошим ученым». Понятно, что он нажил множество врагов — его люто ненавидели партийные бюрократы и ученые проходимцы. Но его любили и обожали слушатели, от студентов до профессоров, что со всей страны каждый год на протяжении более, чем десять лет, приезжали, чтобы послушать Н. В.

В предлагаемой серии очерков рассказывается о личности Тимофеева-Ресовского, о его исключительной роли в восстановлении чести и достоинства ученых, в сохранении традиций отечественной науки и доброго имени ее классиков. Автору довелось быть слушателем на некоторых «трепах» Н. В., и он попытался по возможности полнее передать свои впечатления от общения с этим удивительным человеком.

«Нет ничего в мире сильнее свободной научной мысли...»

Нет ничего более ценного в мире и ничего, требующего большего сбережения и уважения, как свободная человеческая личность.

*В. И. Вернадский, 1922 год,
Сборник «Статьи и речи»,
из предисловия*

1. Почему вдруг возник у меня интерес к генетике

Летом 1965 года я и несколько моих приятелей, тоже химиков, оказались на берегу Можайского водохранилища и не просто так, для отдыха, а в качестве участников Московской школы молодых ученых. Сказать честно, изначально у меня не было особого желания ехать на эту школу — проводилась она под эгидой Московского горкома комсомола и от одной мысли о казенщине, органически присущей этой организации, что называется, «скулу сводило набок». Но как-то по весне мне позвонил мой друг Анатолий Пурмаль из Института химфизики, и из разговора с ним я понял, что объявленная встреча — это нечто совершенно особое, мало похожее на обычные советские «школы творческой молодежи».

Прежде всего, конечно, по тематике — в программе работы школы основной акцент был сделан на проблемах эволюционного учения и тех новых подходах, которые стали развиваться на основе последних достижений генетики и молекулярной биологии. Предполагалось также, что

в школе будут представлены не только биологи широкого профиля, но и физики, математики, химики, да и все те, кого может заинтересовать подобная программа. Но гораздо важнее было другое: школа на Можайском море должна была послужить естественным продолжением тех неофициальных встреч-семинаров по генетике, что проводились на протяжении ряда лет на Урале, в Миассово. Об этих семинарах, более известных под названием «Миассовские трепы», рассказывали очень много интересного. Во всех этих рассказах всегда присутствовала фигура организатора этих чтений Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского, который, судя по всему, был абсолютно неординарной, можно даже сказать, легендарной личностью.

Спрашивается, а почему все-таки проблематика сугубо биологического плана вызвала такой интерес среди молодых ученых самых различных специальностей, что стремились попасть на школу на Можайском море? Здесь я должен отступить от мемуарного плана своего очерка и сказать о некоторых реалиях научной жизни 50—60-х годов прошлого века.

Прежде всего стоит напомнить, что именно в то время в мировой биологии были сделаны постижные революционные открытия, коренным образом изменившие наши представления о том, каким образом в живой клетке хранится, копирует-

ся и передается наследственная информация.

Первое упоминание о самом главном из этих открытий прозвучало, по видимому, вечером 28 февраля 1953 года, когда двое молодых ученых, Фрэнсис Крик и Джеймс Уотсон, явились в паб The Eagle в Кембридже, где Крик объявил во всеуслышание: «А мы только что открыли секрет жизни!». Несколько более подробно об этом было сказано в письме Ф. Крика своему 12-летнему сыну Майклу от 19 марта того же года:

«Мой дорогой Майкл, Джеймс Уотсон и я, вероятно, сделали важнейшее открытие. Мы построили модель структуры дез-окси-рибо-нуклеиновой кислоты (читай внимательно!), или ДНК для краткости».

«...Мы думаем, что обнаружили основополагающий копирующий механизм, благодаря которому жизнь порождает жизнь... Как ты можешь себе представить, мы очень взволнованы этим открытием», — написал Крик сыну, пообещав показать ему модель ДНК, когда он вернется домой.

(Через 60 лет после этого, 10 апреля 2013 года, на аукционе Кристис это неприязнительное письмо отца — сыну было продано более, чем за шесть миллионов долларов (!) при стартовой цене один-два миллиона.)

Ну, а если более серьезно вести отсчет времени, то его следует начинать с 12 апреля 1953 года, когда в журнале «Nature» было опубликовано краткое сообщение Уотсона и Крика, где была предложена структура двойной спирали для ДНК. На этом основании авторы делают вывод, что последовательность нуклеиновых оснований в одной цепи автоматически определяет их последовательность в другой, а также заключают, что последовательность пар оснований является единственным свойством, которое может обеспечить передачу генетической информации. За этим вскоре последовала расшифровка генетического кода, что дало ключ к пониманию того, каким образом последовательность нуклеиновых оснований ДНК в гено-

ме контролирует природу и последовательность аминокислотных остатков в синтезируемых клеткой белках.

Вряд ли будет полезным преувеличением сказать, что открытие Уотсона и Крика по своим последствиям имело не меньшее значение для человечества, чем открытие явлений радиоактивности или деления ядра. Именно от этих работ берет свое начало новая наука — молекулярная генетика со всеми ее ответвлениями, такими, как генная инженерия, геномика и многие другие направления, с неисчислимыми следствиями для самых разных аспектов человеческого бытия.

Однако в то время в нашей стране мало кто обо всем этом догадывался. Да и что говорить — тогда у нас полно было других забот. В марте все того же 1953 года скончался Сталин, и наша страна еще только-только начинала приходить в себя после леденящего ужаса сталинщины и осознавать масштаб понесенных потерь. Если обратиться к науке, то следует прежде всего сказать о советской биологии. Здесь с конца 30-х годов с подачи академика Трофима Денисовича Лысенко и при безоговорочной поддержке «великого вождя всех времен и народов» прочно утвердилась так называемая мичуринская биология, которая на самом деле имела весьма отдаленное отношение к науке «биология» (как, впрочем, и к самому И. В. Мичурину).

2. Генетика по Лысенко

Если бы тогда, в 1953 году, Т. Д. каким-то чудесным образом познакомился с письмом Ф. Крика своему сыну Майклу, то вероятнее всего он бы просто поразился (причем, вполне искренне!) «дремучему невежеству» англичанина, который в своем Кембридже и не подозревал, что проблемы наследственности уже давно решены трудами Лысенко и его сотрудников.

Любой желающий может и сейчас в этом убедиться, если почитает журнал «Агробиология» — орган лысенковцев, который издавался почти

четверть века (с 1941 по 1965 год). Из опубликованных там статей, как и из множества газетных публикаций про работы Лысенко (их было более 250), мы можем узнать, что: «никакого отдельного от обычного тела наследственного вещества в организме не существует», «хромосомы и гены не имеют отношения к наследственности, носителем которой является весь организм». Из тех же источников можно было узнать, что «...пшеница в определенных условиях порождает отдельные зерна ржи, которые вырастают и вытесняют пшеницу» («Правда», 20.01.1963). Среди других диковинных случаев «преобразования» видов упоминались превращение овса в овсюг, подсолнуха в заразиху, сосны в ель, а также поразительные способности привоя видоизменять наследственную природу подвоя (вегетативная гибридизация).

Обо всем этом я узнал очень давно, из лекции Т. Д. Лысенко, что была устроена для студентов МГУ весной 1955 года. Основной упор в своей лекции докладчик сделал на способности живых организмов к наследованию приобретенных признаков, что, согласно его утверждениям, особенно продуктивно осуществляется при создании благоприятных условий для видоизмененного организма. «Эффект воспитания» — так это называлось тогда. В подтверждение своих выводов был дан весь список примеров, что я привел выше. Помнится, что к концу своего доклада лектор, желая заинтриговать аудиторию, задал риторический вопрос: «А кто видел, что кукушка подкладывает свои яйца в гнезда других птиц?». Оказалось, что никто из слушателей ни разу этого не наблюдал, и Т. Д. смело предположил, что ничего подобного и не происходит. На самом деле и в этом случае, по его мнению, можно смело говорить о превращении одного вида в другой под действием внешних факторов (например, при питании птиц мохнатыми гусеницами!).

Это всего лишь немногие из примеров, приводившихся академиком Лысенко в подтверждение своих со-

вершенно бредовых идей о путях образования новых видов и наследования благоприобретенных признаков. Если бы обо всем этом нам поведал некий безымянный «человек с улицы», то можно было бы только посмеяться и забыть — мало ли встречается психов, свихнувшихся на почве опровержения академической науки. Но дело в том, что наш докладчик был действительным членом Академии наук СССР, Героем Соцтруда, трижды лауреатом Сталинской премии, кавалером 8 орденов Ленина (кажется, только у маршала Жукова их было больше?) и к тому же директором Института генетики АН СССР (с 1940 по 1965 год).

Как это ни удивительно, но даже через двадцать лет после установления структуры и функции ДНК академик Лысенко, что называется, ничтоже сумняшеся, в своем отчете о научной работе за 1974 год сообщал миру: «Никакого шифра или кода, записей информации и т. п. в ДНК также нет. О какой матрице для копирования наследственного вещества (для копирования ДНК) можно говорить, зная наши экспериментальные данные по получению озимых из яровых?». Все это выглядело так, как будто бы, наподобие Рип ван Винкля (героя Вашингтона Ирвинга), лысенковцы спали все это время и даже не заметили того, буквально взрывоподобного, интереса к генетике среди ученых почти всех специальностей, что был вызван публикацией работы британских авторов «двойной спирали». Последовавшая лавина экспериментальных исследований в этой области их также никак не коснулась. Очевидно, они не заметили и возникновения новой области науки — молекулярной генетики, равно как и факта присуждения Уотсону и Крику Нобелевской премии в 1962 году.

Как же могло получиться, что в нашей стране на вершину научного Олимпа вознесся или, точнее говоря, был вознесен человек, столь безмерно и воинственно невежественный? Понять это совсем не так трудно, как

может показаться современному читателю, если обратиться к реальностям нашей жизни в советские времена. Обо всей этой истории достаточно подробно рассказано во множестве книг, среди которых я бы выделил публикации Ж. А. Медведева «Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929 — 1966)». — М.: Книга, Лтд, 1993; В. Н. Сойфера «Власть и наука. История разгрома генетики в СССР» — М., Лазурь, 1993; Александрова В. Я. «Трудные годы советской биологии: Записки современника», СПб: Наука, 1993; С. Э. Шноля «Герои и злодеи российской науки». — М., Крон-пресс, 1997. Было бы нелепо здесь пересказывать содержание этих книг, но мне представляется уместным напомнить о некоторых эпизодах, особенно существенных в контексте предлагаемого очерка.

Конечно, читатель вправе меня спросить: зачем мне понадобилось сейчас возвращаться к истории биологических дискуссий 50—60-х годов? Разве с тех пор еще не все вопросы были разрешены? Если говорить о научной стороне проблемы, то, конечно, здесь все более-менее понятно, и вряд ли кто-нибудь в здравом уме будет сейчас отстаивать принципы так называемой «мичуринской», а точнее — лысенковской биологии.

Однако в последнее время все чаще стали появляться публикации, в которых утверждается, что никакого разгрома советской генетики в 40-х годах не было, а состоялось творческое обсуждение различных концепций учения о наследственности, в ходе которого обнаружилась несостоятельность классической генетики. После этого проигравшая сторона переклочилась на «травлю» передового мичуринского учения и, в особенности, «народного академика» Т. Д. Лысенко. Желаящие посмотреть, как излагается история «героической борьбы» Т. Д. с врагами советской науки, либеральными интеллигентами, агентами растленного Запада, могут обратиться к электронной книге Н. В. Овчинникова «Академик Т. Д. Лысенко, советский агро-

ном, биолог, селекционер». Должен сказать, что эта, как и другие публикации того же рода, представляется частью кампании, направленной на оправдание сталинского режима во всех его проявлениях. Я же убежден, что мы еще и сейчас далеко не в полной мере осознали тот, поистине чудовищный, ущерб, что был причинен нашей стране преступными действиями Сталина и его сообщников. Поэтому в моем представлении реабилитация сталинизма в любом виде недопустима и ей должен даваться отпор.

3. Лысенко — путь вверх

Начнем с короткой биографической справки: Трофим Денисович Лысенко не имел возможности получить полноценное образование — в его активе имелось сельхозийственное училище в Умани и пять лет заочного обучения в Киевском сельхозинституте. Вся деятельность Т. Д. Лысенко носила исключительно прикладной характер и была направлена на достижение сугубо практических результатов и изначально его, как агронома по своей основной специальности, вообще мало интересовали чисто научные аспекты решаемых задач. По сути дела, биология просто не воспринималась им как одна из научных дисциплин естествознания. В одном из своих выступлений в 30-х годах он так сформулировал свое кредо: «Значимость задания для социалистического производства и темпы выполнения этого задания — вот единственно правильная оценка научной деятельности».

Само по себе это могло бы даже оказаться похвальным, если, конечно, приводило бы к положительным результатам. Но надо сказать, что по этому критерию достижения Т. Д. оказались более, чем скромными — почти все из широко разрекламированных им новых сельхозновшеств (за каждое из них ему выдавали орден или Сталинскую премию!) оказались малоэффективными или откровенной «туфтой». Спасало его всегда то, что взамен прежде предложен-

ного приема повышения всхожимости, урожайности, засухоустойчивости, или еще «чего, что там требовалось», у него всегда в запасе находилось нечто новое, столь же многообещающее. Чтобы здесь меня не обвинили в голословности, могу посоветовать познакомиться с этими аспектами лысенковских «достижений» по фактическим данным, содержащимся в вышеперечисленных монографиях.

Сама нацеленность Т. Д. на максимально быстрое получение результатов, практически важных для сельского хозяйства, не могла не импонировать большевистским вождям, которые изначально с недоверием относились к ученым, занимающимся академической наукой (а их еще немало сохранилось в 30-х годах). И конечно, они всегда очень радовались появлению «ученых от сохи», каким определенно был «народный академик» Трофим Денисович Лысенко. Для них он был «своим» (ведь в большинстве своем наши вожди тоже «ниверситетов не кончали!») — не то, что какой-нибудь Н. К. Кольцов или Н. И. Вавилов. И тот, и другой были хорошо известны мировой науке не только как ведущие ученые своего времени, но и как крупнейшие организаторы ряда самых авторитетных научных школ в России. Однако, все это никак не могло компенсировать присущего им, так сказать, «врожденного», недостатка — оба они относились к категории сомнительных для большевиков людей с прошлым дореволюционных интеллигентов. При этом надо отметить, что на самом деле и Вавилов, и Кольцов совсем не были чисто кабинетными учеными и они, конечно, не чуждались изучения проблем, практически значимых для сельского хозяйства! Однако они совершенно не были склонны давать обещания немедленного решения актуальных проблем сельского хозяйства, наподобие того, как это практиковал Т. Д.

Понятное дело, что для малообразованных партийных начальников оставалось загадкой, зачем было вообще тратить время и средства

на изучение фундаментальных проблем биологической науки, явно не имевших немедленного практического значения. В этом отношении очень показателен последний разговор Н. И. Вавилова со Сталиным, случившийся, как свидетельствует один из соратников ученого, в ночь с 20 на 21 ноября 1939 года. По его словам, вместо приветствия Сталин сказал: «Ну что, гражданин Вавилов, так и будете заниматься цветочками, лепесточками, василечками и другими ботаническими финтифлюшками? А кто будет заниматься повышением урожайности сельскохозяйственных культур?» Вначале Вавилов опешил, но потом, собравшись с духом, начал рассказывать о сущности проводимых в его Институте исследований и об их значении для сельского хозяйства. Во время лекции Сталин продолжал ходить с трубкой в руке, и видно было, что ему все это совершенно неинтересно. В конце Сталин спросил: «У вас все, гражданин Вавилов? Идите. Вы свободны».

Видимо, на самом деле «вождь» подразумевал: «Вы свободны — пока». Ведь мало того, что ничего конкретно «полезного» академик обещать не мог. Нельзя было не припомнить ему, что в марте того же 1939 года в своем докладе Вавилов подверг резкой критике Лысенко, любимого ученого советской власти. К тому же Н. И. завершил свой доклад совершенно вызывающим заявлением: «Пойдем на костер, будем гореть, но от убеждений своих на откажемся». После всего этого уже не кажется удивительным, что немногим более, чем через год, а именно 6 августа 1940 года, один из самых блистательных ученых нашей страны, всемирно известный генетик и селекционер, академик Н. И. Вавилов был арестован и предан суду по совершенно фантастическим обвинениям — от троцкизма и шпионажа до борьбы против теории и практики Лысенко и растраты (!) казенных средств. После 11 месяцев следствия, 236 допросов (протоколы сохранились!) 9 июля 1941 года (а уже больше двух недель идет война!)

его приговорили к расстрелу, впоследствии замененному двадцатью годами лагерей. Скончался он в 1943 году в Саратовской тюрьме от голода и болезни, проведя перед этим 15 месяцев в камере смертников. Известно, что в тюрьме он написал книгу «История мирового земледелия», которая была впоследствии уничтожена, как «не имеющая ценности»(!).

О другом выдающемся российским биологе Николае Константиновиче Кольцове можно, пожалуй, сказать, что ему повезло в сравнении с Вавиловым. Он скончался, что называется, в своей постели, 2 декабря 1940 года от обширного инфаркта, буквально накануне своего «посажё» (слова Тимофеева-Ресовского). Но этому предшествовало известие об аресте его коллеги и друга, Н. И. Вавилова, и несколько вызовов на допросы по «делу Вавилова». А еще раньше, в 1938 году, его вынудили уйти с поста директора Института экспериментальной биологии, который он организовал в 1916 году и с тех пор был его бессменным руководителем. И конечно, начиная с конца 20-х годов он подвергался невероятному давлению со стороны лысенковцев и их адептов, справедливо считавших его одним из самых влиятельных своих противников. Так, в марте 1939 года президиум АН СССР в ультимативной форме потребовал от Н. К. Кольцова «отказаться от своих «лже-учений... выполнив элементарный долг перед партией». Таков был стиль «научных дискуссий», установившийся в то время не без активного участия нашей Академии наук!

Ну, а что касается Лысенко, то именно в 30-е годы он начал выдвигаться на руководящие позиции в биологической науке при всемерной поддержке руководства страны. Он мог бы сказать о себе словами полковника Скалозуба: «Довольно счастлив я в товарищах моих.// Вакансии как раз открыты;//То старших выключат иных,//Другие, смотришь, перебиты». Легкость, с какой он продвигался по академической лестнице, не может не поражать: уже в 1934 году его избрали

членом академии Украины, а в 1939-м он стал действительным членом Академии наук СССР. Без каких-либо трат драгоценного времени жизни на всякие там «благоглупости», такие, как защиты кандидатской или докторской диссертации, обязательные для прочих смертных. Естественно, что это не могло не подогревать в «народном академике» Т. Д. Лысенко честолюбивого желания завоевать признание как подлинного ученого, открывшего новое направление в биологической науке, так называемую «мичуринскую биологию».

Путь, избранный им для достижения этой цели, оказался очень эффективным, как о том свидетельствует сохранившаяся переписка Т. Д. со Сталиным. Вот ее образчики:

Лысенко — Сталину, октябрь 1947 года: «...Метафизическое учение о живых телах — морганизм-менделизм, вейсманистический дарвинизм преподается во всех вузах, мичуринское же учение — советский дарвинизм нигде не преподается... Менделизм-морганизм, вейсманистский неodarвинизм... разрабатывается в западных капиталистических странах не для целей сельского хозяйства, а для реакционных целей евгеники, расизма и т. п. Никакой связи между сельскохозяйственной практикой и теорией буржуазной генетики там нет».

Сталин — Лысенко, 31 октября 1947 года: «...Что касается теоретических установок в биологии, то я считаю, что мичуринская установка является единственно научной. Вейсманисты и их последователи отрицают наследование приобретенных свойств и не заслуживают того, чтобы долго распространяться о них. Будущее принадлежит Мичурину».

Имеющий уши — да слышит! Ведь «сам» Сталин сказал, что «будущее принадлежит Мичурину, а всякие вейсманисты не стоят даже разговора о них». Ну, а главное, конечно, в этих письмах, по их общему смыслу и тональности — это обмен позывными «свой-чужой».

Продолжение следует

Они этого не говорили

«Доверяй, но проверяй».
(*Ошибочно приписывается Ленину.*)

Французский сатирик Пьер Данинос заметил: «Наиболее живучи афоризмы, которые являются плодом фантазии историков». Я бы добавил: «... включая историков науки, и в еще большей степени — популяризаторов науки». В этой рубрике прослеживается история возникновения известных, однако неподлинных, то есть апокрифических высказываний ученых, философов и других знаменитостей.

Вселенная и человеческая глупость

«Две вещи не имеют конца — Вселенная и человеческая глупость». Это одна из наиболее известных фраз, связанных с именем Альберта Эйнштейна. Но откуда она известна?

Как сообщает сайт Quoteinvestigator, ранний ее вариант появился в книге «Эго, голод и агрессия» немецкого психиатра Фредерика Перлза, основателя так называемой «гештальт-терапии». Первое издание вышло в Дурбане (ЮАР) в 1942 году, второе — в Лондоне в 1947 году. Здесь мы читаем:

Один великий астроном сказал: «Насколько мы знаем, бесконечны две вещи — Вселенная и человеческая глупость». Сегодня это утверждение не вполне верно. Эйнштейн доказал, что Вселенная конечна.

Заметим, что в науке Нового времени двумя вещами, не имеющими конца, обычно считались пространство и время; так что слова, приведенные со ссылкой на «великого астронома»,

можно считать иронической перелицовкой этой мысли.

В 1969 году, через 14 лет после смерти Эйнштейна, вышла книга Перлза «Гештальт-терапия дословно». Здесь Перлз — как видно, за давностью лет позабыв о своей ссылке на «одного великого астронома», — фразу о Вселенной и глупости вложил в уста самого Эйнштейна:

Как однажды сказал мне Альберт Эйнштейн: «Две вещи не имеют конца: Вселенная и человеческая глупость».

В том же 1969 году вышла еще одна книга Перлза — «Внутри и вне полойного ведра». Автор назвал ее «автобиографическим романом», то есть оговорил за собой право на вымысел. Здесь и сама фраза, и обстоятельства ее произнесения приведены в более развернутом виде:

Я провел один вечер с Альбертом Эйнштейном: неприхотливость, тепло, несколько ложных политических предсказаний. (...) Я до сих пор люблю цитировать его высказывание: «Две вещи не имеют конца — Вселенная и человеческая глупость, хотя насчет Вселенной я не так уж уверен».

Едва ли в 1969 году Перлз был более точен, чем в 1940-е годы, при жизни Эйнштейна. Фраза о Вселенной и глупости, вероятней всего, либо была услышана Перлзом от кого-то другого, либо сочинена им самим, а четверть века спустя подкреплена авторитетом великого физика.

С конца XX века со ссылкой на Эйнштейна стали цитировать еще одно изречение: «Главное различие между глупостью и гением заключается в том, что гений имеет пределы».

Однако к тому времени эта фраза имела уже более чем вековую историю. Появилась она во Франции. Во 2-м томе «Большого универсального словаря» Лярусса (1867) в статье «Глупость» приведена цитата:

Что меня особенно угнетает, так это то, что человеческий гений имеет пределы, а человеческая глупость — никаких.

Цитата подписана именем Александра Дюма — отца или сына, не ясно. В 1895 году в одном из французских журналов она, в чуть иной форме, появилась в подборке мыслей Дюма-сына. Однако в сочинениях обоих Дюма ничего подобного нет.

Новую жизнь это изречение обрело с конца XIX века в американской печати. Сначала оно цитировалось со ссылкой на Дюма-сына. В 1906 году литератор и философ Элберт Хаббард поместил его в своем журнале «The Philistine» («Обыватель»), слегка изменив:

Гений может иметь границы; глупость свободна от подобных ограничений.

Этот афоризм получил широкую известность в англоязычном мире.

Есть у Эйнштейна и вполне достоверные суждения о глупости. В его книге «Мир, каким я его вижу», опубликованной в 1931 году, глупость названа одной из «трех великих сил» современной цивилизации, наряду со страхом и жадностью.

Известно также, что Эйнштейн, друживший с великим немецким математиком Куртом Гёделем, цитировал его «аксиому»: «Все происходящее в мире обусловлено либо случайностью, либо глупостью» (согласно Эверту Штраусу, ассистенту Эйнштейна в 1944—1947 годах).

Иногда сигара — всего лишь сигара

По широко распространенной легенде, так будто бы Фрейд ответил

на вопрос, нет ли чего-либо символического в том, что он курит большие сигары.

У истоков этой легенды, согласно сайту Quoteinvestigator, была статья Эрика Хиллера «Несколько замечаний о табаке», опубликованная в декабрьском номере «Международного журнала психоанализа» (Лондон) за 1922 год. Журнал был основан в 1920 году, а на его обложке значилось: «Под руководством Зигмунда Фрейда».

Хиллер писал:

Сигареты и сигары могут символизировать пенис. Они имеют цилиндрическую и трубчатую форму. У них горячий красный конец. Они испускают ароматный дым (= flatus [лат. извержение] = сперма). (...) Я полагаю, что причина, или, по крайней мере, одна из причин, по которой люди начинают курить (и разумеется, почему они продолжают это делать), заключается в этой фаллической символике сигареты, сигары или трубки.

Хелен Уолкер Панер в книге «Фрейд: Его жизнь и его мышление» (1947) отмечала, что основатель психоанализа был заядлым курильщиком и скучал в обществе некурящих. Поэтому почти все его ученики начинали курить сигары.

Через 11 лет после смерти Фрейда, в майском номере американского журнала «Психиатрия» за 1950 год, появилась статья Аллена Уилиза «The Place of Action in Personality Change». Уилиз писал, что за осознаваемыми мотивами нередко кроются неосознанные, однако в примечании предостерег, что не всегда это предположение верно, и добавил:

«Таковы издержки профессии психоаналитика — тридцать лет спустя после известного замечания Фрейда, что «иногда сигара — всего лишь сигара».

В 1961 году в «Американском историческом обозрении» («American Historical Review») была опубликована статья Питера Гея о политической рито-

рике эпохи Великой Французской революции. В статье говорилось:

«В конце концов, как заметил однажды Зигмунд Фрейд, иногда человек желает сигару просто потому, что ему хочется покурить в свое удовольствие».

(Позднее Гей написал биографию Фрейда.)

Профессор психологии Алан Элмс, отыскивая истоки легендарной фразы, обратился к Гею, но тот не смог указать, откуда он ее взял. Немецкие биографы Фрейда также ничем не смогли помочь Элмсу.

Среди возможных источников Элмс рассматривал строку из стихотворения Кипплинга «Обрученный» (1886), включаемую во все англоязычные словари цитат:

**Женщина — всего только женщина,
а хорошая сигара — это Кайф.**

(в оригинале: «...a Smoke»)

28 февраля 1976 на телеканале NBC был показан очередной выпуск комического шоу «Субботним вечером в прямом эфире». Один из скетчей назывался «Великие моменты истории женщин».

Действие происходит в 1908 году в кабинете Зигмунда Фрейда (актер Дэн Эйкройд). В кабинет заходит девочка — дочь Фрейда Анна (актриса Лорейн Ньюман). Она рассказывает отцу сюрреалистический сон, полный символов, которые в психоанализе считаются эротическими, вплоть до большого банана, который предлагает ей бородатый мужчина, как две капли воды похожий на ее отца. Слушая дочь, Фрейд сидит как на иголках и только повторяет: «Гмм...»

— А потом, — заканчивает Анна, — мы оба выкурили по сигарете. Папа, что это значит?

— Это ничего не значит, деточка. Просто сон. Иногда банан — всего лишь банан. Знаешь что...

— Да, папа?

— Пожалуйста, маме об этом не говори.

Отсюда в России родился психоаналитический анекдот с заключительной фразой: «Иногда банан — всего лишь банан».

Ирония истории

В письме к Вере Засулич от 23 апреля 1885 года Энгельс писал:

Люди, воображавшие, что они сделали революцию, всегда убеждались на следующий день, что они не знали, что делали, — что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории.

Однако в сочинениях Гегеля «иронии истории» нет. Арсений Гулыга в книге «Немецкая классическая философия» (1986) справедливо заметил, что «иронии истории» в вышеозначенном смысле соответствует гегелевская «хитрость разума».

Цитирую Гегеля:

Во всемирной истории благодаря действиям людей вообще получают еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся (...); они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшего, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения.

Можно назвать хитростью разума то, что он заставляет действовать для себя страсти, причем то, что осуществляется при их посредстве, терпит ущерб и вред.

(Введение к «Лекциям по философии истории» (1822—1831; опубликованы в 1837 году); перевод А. Водена)

В немецкой печати «ирония истории» появилась не позднее 1830-х годов. Обычно это выражение использовалось в значении «насмешка истории», вне какой-либо связи с учени-

ем Гегеля. (Кстати: примерно в то же время во Франции появилось выражение «ирония судьбы»).

Немецкий историк астрономии Зигмунд Гюнтер говорил об «иронии истории» применительно к самому Гегелю:

«Попытка Гегеля вторгнуться в область астрономии и априорно вывести невозможность существования планеты между Марсом и Юпитером была, по иронии истории, более чем убедительно опровергнута открытием этой планеты в том же самом году».

(«Цели и результаты новейших исследований по истории математики», 1876).

«Вторгнуться в область астрономии» Гегель попытался в своей диссертации «Об орбитах планет», законченной осенью 1801 года. Он не догадывался, что уже 1 января того же года итальянец Джузеппе Пиаци открыл Цереру — первую из малых планет, расположенных между Марсом и Юпитером. Промах Гегеля послужил поводом для многочисленных

шуток, тем более что поначалу Церера считалась «полноценной» планетой, восьмой по счету.

Иногда именно в этой связи цитируют будто бы сказанные Гегелем слова:

— Если факты противоречат моей теории, тем хуже для фактов.

На самом деле выражение «тем хуже для фактов» появилось во Франции не позднее 1810-х годов. Поначалу оно приводилось как слова некоего французского историка или философа, и лишь со второй половины XIX века эту фразу стали приписывать Гегелю.

В 1919 году начинающий физик Илза Розенталь-Шнейдер спросила Эйнштейна:

— Что, если общая теория относительности не получит экспериментального подтверждения?

— Тогда мне будет жаль Господа Бога, — ответил ученый. — Но теория все же верна.

(Согласно книге Розенталь-Шнейдер «Реальность и научная истина», 1974).